

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДАВИДЕ ЮМЕ

В статье рассматриваются некоторые черты философского учения Давида Юма, представляющие особенно актуальными в современную эпоху. Автор делает вывод, что главная привлекательность философии Юма состоит в ее антропологической направленности. Мыслитель разработал чисто светскую концепцию человека. Из наследия Юма в значительной степени произрастают не только глубочайшие корни «философии жизни», но и современные психология и этика.

Ключевые слова: познание, восприятие, впечатления, принцип ассоциации идей, философия истории, эмпиризм, «философская интоксикация».

Давид Юм (Hume), со дня рождения которого в этом году исполняется три столетия, считается одним из инициаторов европейского позитивизма и феноменологии. В этих оценках есть доля истины, но они не вполне отражают суть мировоззрения замечательного философа и судьбы его наследия. С течением времени в любом значимом философском учении обнаруживаются все новые и новые смыслы, которые были не очевидны или же не актуальны еще несколько десятилетий тому назад. Творчество Юма в этом смысле – не исключение, хотя его философское дело отнюдь не было обделено вниманием историков философии как на Западе, так и у нас. До революции была выпущена солидная двухтомная монография Н.Д. Виноградова. В советское время были изданы прекрасные работы И.С. Нарского, специально посвященные Юму. Интересны недавно написанные работы В.В. Васильева. Каждый историк западной философии, занимавшийся написанием общих курсов и обзорных трудов, разумеется, не мог обойти вниманием фигуру Юма.

Поэтому в этой статье мы лишь поразмыслим над вопросом, чем современен для европейских интеллектуалов начала XXI века этот выдающийся философ, психолог, публицист, историк, который прекрасно высказался однажды: «Ничто не свободно так, как мысль человека». Думается, что именно в нашу эпоху насильственно проводимой глобализации по-американски, когда повсеместно уничтожается и подвергается остракизму сама свободная живая человеческая мысль, фигура Юма выглядит отнюдь не музейным раритетом – в том числе и для современной России. Да и полезно было бы нам вспомнить о подчеркнутой светскости философии Юма, ибо вмешательство духовенства абсолютно во все дела современной России, где церковь официаль-

но отделена от государства, поражает и порой противоречит здравому смыслу.

Юм родился 26 апреля 1711 года в шотландской столице Эдинбург, где и умер через 65 лет, 25 августа 1776 года. Отец Юма, небогатый дворянин, занимался юридической практикой. Мыслитель учился в Эдинбургском университете и в коллеже Ла-Флеш, который за столетие до этого являлся alma mater Рене Декарта. В этом учебном заведении была прекрасная библиотека, в которой были труды Мишеля Монтеня, Френсиса Бэкона, Джона Локка, Исаака Ньютона. Книги были главной страстью Юма на протяжении всей жизни. Недаром он однажды признался: «У меня есть все, и чего же мне еще не хватает?!.. – Независимости? Я обладаю ею в высшей степени. Славы? Но она совсем нежелательна. Хорошего приема? Он придет со временем. Жены? Это не есть необходимая жизненная потребность. Книг? Вот они действительно необходимы...» [2; I, 67].

Наверное, именно страстная любовь к книгам побудила Юма стать в 1752 году библиотекарем эдинбургского общества адвокатов, обладавшего крупнейшим в Шотландии собранием книг (ныне Национальная библиотека). До этого молодой философ был и компаньоном душевнобольного маркиза, и секретарем генерала, и членом военной миссии в Вене и Турине. За годы работы в должности библиотекаря (1752–57) Юм создал многотомную «Историю Англии от вторжения Юлия Цезаря до Революции 1688 года». Первыми вышли два тома «Истории Великобритании при доме Стюартов», вызвавшие ожесточенную критику в совершенно разных слоях английского общества. Виги и тори, церковники и сектанты, свободомыслящие и святоши объединились в критике Юма. Вся нация не могла простить Юму сострадания к трагической фигуре Карла I Стюарта, казненного

в результате революции в 1649 году. Но уже со второго тома отношение к труду Юма изменилось. «История Англии» стала не только успешным, но и доходным предприятием. С неожиданным для автора энтузиазмом книга была встречена во Франции. В последующие годы вышло еще шесть томов, посвященных истории Англии.

Интересно, что французы читали историю Юма накануне своей грандиозной и кровавой революции, но мало кто из них вдумался в предупреждения мыслителя «об опасном энтузиазме демократов» и непредсказуемых и гибельных последствиях социального прожектерства. В современной России эти мысли Юма могут вызвать горькую улыбку у многих бывших граждан загубленной прожектерами-предателями великой страны.

В своей истории Юм критически и недоброжелательно относился к деятельности левеллеров («уравнителей»), которые воплощали, как он считал, непродуманное и лишнее всякого смысла политическое действие. Юм пишет: «Историки и здравый смысл могут просветить нас относительно того, что, какими бы благовидными ни казались идеи полного равенства, реально в сущности они неосуществимы. И если бы это было не так, то это было бы чрезвычайно пагубно для человеческого общества. Сделайте когда-либо имущество равным, и люди, будучи различными по мастерству, прилежанию и трудолюбию, немедленно разрушат это равенство. А если вы воспрепятствуете этим добродетелям, вы доведете общество до величайшей бедности и, вместо того, чтобы предупредить нужду и нищету, сделаете ее неизбежной для всего общества в целом» [2; I, 198].

В целом философию истории Юма можно свести к его собственной краткой формуле: «Сходные причины при сходных обстоятельствах всегда будут производить подобные действия» [1; 582]. В русле исторической аналитики и теории общественной мысли Юм выделяется как один из первых представителей психологизма и критик революционного пути развития. Он считал, что революции как форма «массового психоза» должны непременно сменяться реформистским, эволюционным путем развития общества.

Безусловно, надо обладать изрядной долей воображения для того, чтобы представить себе прошлое. Юму на воображение жаловаться не приходилось. Он показал, что нет никакой логической необходимости, согласно которой мы мо-

жем верифицировать свое представление о прошлом. А значит, никто не может логически обосновать, что находящееся в наличии – последствия того, что некогда имело место. Другими словами, не находится рационального основания считать нечто несуществующее причиной существования того, что наличествует. Но поскольку, даже будучи предметом исторической дисциплины, прошлое не может выступать предметом созерцания и наблюдения, приходится решать вопрос о том, каким же образом прошлое дано. Юм выступает в своем труде и как историк, и как философ. Эти две ипостаси ученого слиты у него в неразрывном единстве. Его мысли дают пищу для размышлений и по сей день, так же как мысли великих историков Гиббона и Карлейля, Щербатова и Карамзина, Соловьева и Ключевского, которые в своих трудах поднимались до подлинных высот философской мысли.

Человек для Юма социален по своей собственной природе и постепенно, но непрерывно эволюционирует, адаптируя различные общественные добродетели. Выгода социального устройства человеческой жизни корреспондирует с сопутствующим процессом роста «силы, умения и безопасности». Для Юма идеалом выступала конституционная монархия. Он придерживался идеи о том, что монархическая власть унаследована у отца, главы рода. И именно в семье коренится привычка граждан к подчинению. Но монархия не должна перерождаться в деспотию, и главнейший долг государства состоит в защите прав личности. Дабы избежать перерастания монархии в абсолютизм, не король должен главенствовать над законом, а закон – над королем. В разделах «Трактата», посвященных политике, Юм отвергает абстракции «войны всех против всех» Гоббса и общественного договора Локка. Гражданское общество возникает стихийно под воздействием общественного интереса; это же можно сказать о происхождении такой добродетели, как справедливость.

Юма никак нельзя назвать типичным представителем Просвещения, ибо деструктивный элемент идеологии просветителей всегда вызывал в нем отвращение. Он понимал, к чему может привести необдуманная смена кумиров, когда одна форма фанатизма лишь сменяет другую. Схожее отношение к крайностям просветительской идеологии через несколько десятков лет продемонстрирует и великий немец Гете. Хотя самого Юма в

вольнодумном Париже принимали блестяще. Судя по отзывам современников, Юм был обаятельным человеком, обладавшим большой притягательной силой. Юм и до своего пребывания на дипломатической службе в Париже переписывался с Монтескье и Гельвецием, а во французской столице имел возможность лично познакомиться с Д'Аламбером, Гольбахом, Руссо. Талантливые Дидро, Тюрго, Гельвеций находились под обаянием личности Юма и всячески превозносили его таланты. Лишь страдающий шизофренией Руссо почему-то вообразил, что Юм является агентом его недругов, замысливших похитить и присвоить его писания. Гольбах же именовал Юма не иначе как лучшим другом человечества и величайшим философом всех времен.

Сам Юм к похвалам такого рода относился сдержанно. Превосходный историк и мудрый человек, он понимал, каким ужасом порой могут обернуться самые благие идеи и куда может привести дорога, вымощенная благими намерениями. Недаром он ввел в оборот понятие «философская интоксикация», которое сейчас широко используется в психотерапевтической диагностике. Многим современным адептам постмодерна, увлеченно рассуждающим о фекалиях, «дырках», «отростках» и сводящим человеческую сущность лишь к естественно-природной организации, давно пора подлечиться в психиатрических клиниках. И именно постмодерн демонстрирует значительную степень «философской интоксикации», которой подвержены современные интеллектуалы как на Западе, так и у нас в России, куда за последние годы интеллектуальной расхристанности проникли разлагающие мозги писания Деррида, Делеза, Фуко и прочих философов нетрадиционной интеллектуальной и сексуальной ориентации. На полях замечу, что нынешнее философское вольнодумство у нас в стране заключается по большей части в том, что становится извинительным и нормальным не знать Декарта и Юма, Гегеля и Маркса, Спинозу и Локка. Но такое вольнодумство – лишь элементарная неграмотность. На мой взгляд, единственное лекарство от сложившейся болезнетворной ситуации – обращение к классическому наследию, ибо в наследию великих философов есть ответы и на жгучие вопросы нашей эпохи. Нужно только правильно сформулировать эти вопросы. Недаром Гегель полушутя-полусерьезно однажды

отметил, что ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены.

Юм часто сетовал на то, что его приводит в ужас и смущение то безнадежное одиночество, на которое обрекает его собственная философская система. Наверное, он сам бы удивился, узнав о том, сколько последователей появится у него в не таком уж и далеком будущем. Юма традиционно относят к просветителям, но такая классификация, как и все, впрочем, классификации, грешит некоторой искусственностью и необходима, скорее, в методологических и дидактических целях и мало отражает реальное положение дел. Юм справедливо признается пиком мыслительной активности XVIII столетия, а взгляды его рассматриваются многими не только как квинтэссенция европейской интеллектуальной жизни той эпохи, но и как предтеча творчества выдающихся мыслителей Нового времени – последователей Юма.

Чаще всего вспоминают, что великого Канта именно Юм «разбудил от догматического сна». Об этом с пиететом вспоминал сам «кенигсбергский отшельник». Действительно, проблема существования сложной объективной структуры индивидуального опыта, которую обозначил Юм, впоследствии нашла отражение в сопряженной концепции Канта. Но не часто видят протянувшиеся именно от Юма невидимые нити духовного влияния на таких интеллектуалов высочайшей пробы, как Милль, Томас Гексли, Герберт Спенсер, Эрнст Мах, Рихард Авенариус, Бертран Рассел. Действительно, Милль фактически воспроизвел юмовские взгляды на личность, а его «серия ощущений» очень напоминает «связки перцепций» Юма. Авенариус и Мах использовали ту психологичность философствования, которую можно наблюдать в трудах Юма. Гексли развил мотивы агностицизма, а Рассел использовал в своем прекрасном труде «Человеческое познание» многие размышления Юма. Это, кстати, почувствовал и отметил Эйнштейн, когда читал расселовский шедевр.

Основным произведением Юма считается «Трактат о человеческой природе» (1738–40), в котором молодой автор рассчитывал на основе экспериментального метода, тщательно подобранных опытов и интроспекции смоделировать целостную систему природы человека. В третьем

лице Юм пишет о главной цели автора: «Он предлагает систематическим образом проанализировать человеческую природу и обещает не выводить никаких иных заключений, кроме тех, которые оправдываются опытом» [1; 577]. Но книга была не только не понята, но и не замечена современниками, о чем сам Юм вспоминал не без горечи: «Едва ли чей-нибудь литературный дебют был менее удачен, чем мой «Трактат о человеческой природе». Он вышел из печати мертворожденным, не удостоившись даже чести возбудить ропот среди фанатиков. Но, отличаясь от природы веселым и пылким темпераментом, я очень скоро оправился от этого удара» [2; I, 87].

Попытки Юма занять кафедру в университетах Эдинбурга и Глазго потерпели неудачу во многом из-за скандальной репутации «Трактата о человеческой природе». Юм сожалел о том, что не сразу был понят современниками именно как философ. А ведь он возлагал такие большие надежды на свой труд. Горечь и разочарование в несбывшихся надеждах проскальзывают в словах Юма, когда он так говорит о себе в третьем лице: «...Будь его философия принята, мы должны были бы изменить основания большей части наук» [1; 789]. Свои задачи Юм обосновывает ясно: «Большинство философов древности, рассматривавших природу человека, выказывали в большей мере утонченность чувств, подлинное чувство нравственности или величие души, чем глубину рассудительности и размышления. Они ограничивались тем, что давали прекрасные образцы человеческого здравого смысла наряду с превосходной формой мысли и выражения, не развивая последовательно цепи рассуждений и не преобразуя отдельных истин в единую систематическую науку. Между тем по меньшей мере стоит выяснить, не может ли наука о человеке достичь той же точности, которая, как обнаруживается, возможна в некоторых частях естественной философии. Имеются как будто все основания полагать, что эта наука может быть доведена до величайшей степени точности» [1; 576]. Более того, Юм стремится к тому, «чтобы тщательно разработать истинную метафизику, чтобы уничтожить ложную и поддельную» [2; II, 11]. Задача эта актуальна и по сей день, но современные философы редко ставят себе глобальные задачи. Наверное, время великих философских систем прошло. Современная западная философия вообще оказалась лишенной этого горения в сфере универсализации действитель-

ности и мысли, втягивающей эту действительность в свою орбиту.

Основное содержание юмовской системы вырисовывается из логики, объясняющей принципы и операции для способности человека рассуждать, а также разъясняющей природу его идей; этики, рассматривающей внутренние чувства человека; учения о вкусе (эстетический критицизм) и политики, рассматривающей людей как объединенных в общество и зависящих друг от друга. Сам Юм пишет об этом так: «...Почти все науки охватываются наукой о человеческой природе и зависят от нее. Единственная цель логики состоит в том, чтобы объяснить природу и действия нашей способности рассуждения и природу наших идей; мораль и критика касаются наших вкусов и чувств, а политика рассматривает людей как объединенных в общество и зависящих друг от друга. Следовательно, этот трактат о человеческой природе, по-видимому, должен создать систему наук» [1; 578].

Юм пишет о себе: «Он называет восприятием все то, что может быть представлено умом, пользуемся ли мы нашими органами чувств, или воодушевляемся страстью, или проявляем нашу мысль и рефлексию. Он делит наши восприятия на два рода, а именно впечатления и идеи. Впечатления представляют собой живые и сильные восприятия. Идеи же – более тусклые и слабые. Это различие очевидно. Оно очевидно так же, как и различие между чувством и мышлением» [1; 578].

«Дух – нечто вроде театра, в котором выступают друг за другом различные восприятия; они проходят, возвращаются, исчезают и смешиваются друг с другом в бесконечно разнообразных положениях и сочетаниях. Собственно говоря, в духе нет простоты в любой данный момент и нет тождества в различные моменты, как бы велика ни была наша естественная склонность воображать подобную простоту и подобное тождество. Сравнение с театром не должно вводить нас в заблуждение: дух состоит из одних только восприятий, следующих друг за другом, и у нас нет ни малейшего представления о том месте, в котором разыгрываются эти сцены, и том материале, из которого этот театр состоит», – поэтично рассуждает мыслитель [1; I, 367].

Исходя из впечатлений, Юм стремился дать четкое обоснование эмпиризму, но натолкнулся на сложнейшую проблему, которая привносит в логику приверженца эмпиризма явно

парадоксальные моменты. Речь идет об идее, без которой не может обойтись мышление, – об идее причины и действия. Ведь именно начиная с философии Юма понятие «привычка» стало приобретать большое значение и подвергаться профессиональной рефлексии. Юм поставил под сомнение человеческую веру в принцип «причина – следствие». Определив привычку как «способность одного действия, порождаемую повторением, возобновить само действие, не думая об этом», Юм так объяснил принцип причины: наблюдая неоднократно связь между двумя явлениями (тепло и пламя), мы склонны ждать одного при наличии другого. Юм пишет: «Наш прошлый опыт не всегда единообразен. Иногда из причины вытекает одно действие, иногда – другое. В таком случае мы всегда верим, что появится то действие, которое наиболее часто бывает» [1; 586].

Юм отмечает, что подобные взаимосвязи очень полезны в повседневной жизни, ибо только в силу привычки соотносить тепло с огнем мы избегаем ожогов. Без привычки «мы были бы невежественны во всех практических вопросах, которые непосредственно присутствуют в чувствах или в памяти». С другой стороны, однако, привычка имеет два ограничения: 1) необходимость обучения, ибо любая привычка закрепляется только вследствие фактического опыта: чтобы усвоить взаимосвязь между пламенем и болью, первому человеку Адаму, а также и любому ребенку нужно было попробовать коснуться пламени; 2) отсутствие логического содержания – ведь только практика, а не разум учит, что огонь оставляет ожоги.

Привычная ассоциация между «причиной» и «следствием» настолько сильна, что человек, выйдя за пределы опыта, стремится представить наличие необходимой (логической) связи между двумя явлениями. Но Юм замечает, что пришелец из других миров, где нет огня, несмотря на свой ум, сможет понять пагубное действие огня, только обжегшись.

Юм пишет: «Ничто фактически данное не может быть доказано иначе как из его причины или из его действия. Ничто не может стать известным в качестве причины другого иначе как благодаря опыту. Мы не можем обосновать распространение на будущее нашего опыта в прошлом, но всецело руководствуемся привычкой, когда представляем себе, что некое действие вы-

текает из его обычной причины. Но мы не только представляем, что это действие наступит, а и уверены в этом» [1; 585].

Сведя взаимосвязь между причиной и следствием к чистой привычке, Юм породил самую резкую критику претензии науки предвидеть события (следствия), основываясь на знании причин. Ассоциация идей не в состоянии вывести причинно-следственную связь. Юм пишет: «То, что принято называть «причиной», – это не более чем присущая душе человека привычка наблюдать одно явление после другого и заключать из этого, что явление более позднее по времени зависит происхождением от более раннего». И в другом месте: «На основании лишь примеров мы никогда не бываем в состоянии открыть необходимую связь между явлениями природы». Строго говоря, самой идеи причинно-следственной связи нет. Когда говорят о ней, то имеют дело с определенной привычкой и верой. Мы зачастую лишь воображаем причинно-следственные связи, поэтому решающей инстанцией всякого знания служит воображение. Но между воображением как воплощением разума и впечатлениями простирается пропасть [3; 322]. Отсюда вытекают важнейшие выводы по поводу существования не только материальных вещей, но и Бога.

Юм был приверженцем теории морального чувства своего соотечественника Френсиса Хатчесона, но он отнюдь не принимал его теологическую модель обоснования объективных стандартов добра и зла. Видимо, Юм был верующим человеком, но он всю жизнь выступал против чрезмерного вмешательства церкви как социального института в государственные дела. Он пишет: «Но на деле Евангелие, и только оно одно, проливает свет на жизнь и бессмертие {...} Материя и дух в сущности своей равно неизвестны, и мы не можем определить, какие свойства присущи той или другому» [2; II, 798]. В другом же месте Юм не без иронии замечает: «Мы можем без всякого риска утверждать, что все, насколько нам известно, действительно совершенное Богом есть наилучшее; но весьма рискованно утверждать, будто Бог всегда должен делать то, что нам кажется наилучшим. Как часто обманывало бы нас подобное рассуждение относительно этого мира!» [2; II, 788]

После смерти Юма в 1779 году были изданы «Диалоги о естественной религии», над которыми он работал много лет вплоть до кончи-

ны. Юм вопрошает и отвечает сам: «Что можно сказать, обозрев историю религии? – Сомнение, недостоверность, отказ от всякого суждения – вот, по-видимому, единственный результат самого тщательного исследования данного вопроса». В 1781 году «Диалоги» перевел на немецкий язык Иоганн Гаманн. Их использовал Кант в работе над «Пролегоменами». «Диалоги» доказывают необоснованность претензий религиозного сознания на ведущую, всеобъясняющую роль в познании и вопросах морали. Все идеи людей о божестве (согласно тем, кто отрицает врожденные идеи) есть не что иное, как сочетание идей, которые они приобретают благодаря размышлениям над действиями своего собственного ума [2; I, 669]. Поэтому неосознанный антропоморфизм рациональной теологии в познании сверхъестественных предметов неизбежно превращается в иллюзию, в своего рода мифическую *causa sui*. Такой же иллюзией становятся и притязания натуральной философии на вечные истины в естествознании.

Юм одним из первых отделил понятие религиозной веры (*faith*) от компонента веры в активной познавательной жизни человека (*belief*). В ведении разума остаются истины отношений, аналитические истины. Соответственно огромная сфера истин фактов становится вероятностным знанием и переходит под юрисдикцию «светской» веры (*belief*). Вера, базирующаяся лишь на информации, поступившей от чувств, есть наивный реализм, массовое явление человеческой жизни. В нашу эпоху наивный реализм приобрел такие масштабы, которые удивили бы самого Юма.

Будучи еще молодым мыслителем, Юм задумывал свой «Трактат» как тотальную критику рационализма не только в области естественной теологии, но и в общей теории познания. Именно в гносеологии Юм продемонстрировал несостоятельность разума в обосновании как идей пространства и времени, так и общей идеи существования, материальной и духовной субстанции, а также понятий энергии, силы, причинности. Ограничение значения разума в познании последовательно дополняется минимизацией его роли в морали: разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им [2; I, 457].

В «Трактате о человеческой природе» Юм заметил, что авторы всех известных ему этических теорий в своих рассуждениях постоянно и незаметно для самих себя переходят от предложений со связкой «есть» (*is*) к предложениям со связкой «должно» (*ought*), совершенно не указывая оснований такого перехода; поскольку это «должное» выражает некоторое новое отношение, остается непонятным, каким образом оно могло быть дедуцировано из других, совершенно отличных от него отношений. Там же Юм выразил уверенность, что простой «акт внимания» к этой проблеме «опроверг бы все обычные этические системы» [3; 229–230]. Эти юмовские мысли впоследствии были развиты и получили яркое и несколько пугающее название «гильотина Юма». С помощью этого термина стали обозначать методологический подход, резко разграничивающий суждения факта и суждения долга (дескриптивные и прескриптивные суждения) по их логическому статусу. Первые рассматриваются как референтные высказывания, т. е. обладающие истинностным значением, вторые трактуются как нереперентные и внеистинностные. Из этой трактовки следует, что построить логически правильное умозаключение, все посылки которого дескриптивны, а вывод прескриптивен, невозможно, т. е. моральные императивы (нормы) невыводимы из знаний о сущем.

Размышляя о Юме, хочется напомнить, что внимание философов XVIII века привлекло появление неизвестного ранее явления – моды. Начиная с самых привилегированных классов, а очень скоро и во всем обществе, одежда превратилась прежде всего в инструмент, выделяющий личность, с постепенным перевесом в сторону индивидуального выбора по сравнению с нормами, принятыми в обществе. Может существовать красота вне моды и даже мода на уродство, что целиком и полностью подтверждает наша дегенеративная эпоха – достаточно лишь включить телевизор или просмотреть глянцевого журнала.

Именно это социальное явление подсказало Юму («Эссе о норме вкуса», 1741) идею разработки новой эстетики, основанной на понятиях вкуса и общепринятого мнения. Следуя платоновской теории об искусстве подражания, Юм утверждал, что красота всегда считалась качеством, присущим природе, самим вещам, а человеческие суждения (эстетические оценки) лишь признают фактически существующие качества.

Но любая мысль о красоте должна рассматриваться как выражение чувства, то есть чистое определение духа, «отражения души на себя», без какой бы то ни было связи с окружением. В отличие от страстей души, зависящих от природы вызывающего их объекта, чувства всегда истинны, ибо они зависят исключительно от субъекта. Например, любовь к чему-то воображаемому часто является истинным и реальным чувством.

Юм считал, что эстетические оценки, касающиеся красоты или безобразия объекта, всегда являются сентиментальными, а не рациональными суждениями. Поэтому у разных людей один и тот же объект может вызывать разные чувства, даже противоположные, но при этом ни один из них не может считаться более правым, чем другой. В этом смысле верна старинная максима «Красиво то, что нравится». Англичане говорят: «Tastes differ». Критерий вкуса, то есть способность воспринимать красоту, всегда субъективный, спонтанный, интуитивный. Он меняется со временем даже у одного человека.

И все же имеется предел радикального субъективизма, это – общепризнанное мнение. Действительно, люди в своих суждениях проявляют значительное единообразие, оценивают красоту по общепринятым критериям, согласно эстетическому здравому смыслу. В целом в теории вкуса Юму не удалось последовательно провести свою точку зрения на подчиненную роль разума: он остался на позициях нормативистского классицизма в оценках произведений искусства, что противоречило положению о чувственном, т. е. субъективном, характере восприятия красоты.

По собственному признанию, всю жизнь господствующей страстью Юма было влечение к литературе. Несмотря на частые неудачи, он все-таки добился настоящего литературного успеха, который принесли ему неоднократные издания сборников эссе на политические, экономические и исторические темы. Свое отношение к жизненному счастью Юм выразил так: «Мое высшее счастье, мое полное удовлетворение состоит в том, чтобы читать, гулять, мечтать, думать». От скептицизма и пессимизма Юма спасала необходимость «жить, разговаривать и принимать участие в обыденных житейских делах наравне с другими людьми» [3; 322]. После смерти Юма его сочинения почти полвека на родине не издавались, что было связано с резкой критикой опасного вольнодумца пред-

ставителями шотландской школы «философии здравого смысла», особенно Д. Битти, который был официально признан победителем скептицизма и награжден королевской пенсией. Но *sic transit gloria mundi*: многомудрого Битти помнят лишь в связи с именем великого Юма.

Свое новаторство в философии Юм оценивал так: «...Если что-либо и может дать автору право на славное имя изобретателя, так это то, что он применяет принцип ассоциации идей, который пронизывает почти всю его философию. Наше воображение обладает громадной властью над нашими идеями. Но, несмотря на господство воображения, существует некая тайная связь между отдельными идеями, которая заставляет дух чаще соединять их вместе и при появлении одной вводить другую» [1; 593].

Основные особенности философии Юма суть психологизм, аналитичность, интроспекция. Как философ духа он воспринял реальность как поток идей. Как скептик Юм верит не в причину, а в привычку. Как аналитик он не подвергает сомнению достоверность математики, но не склонен доверять далеко идущему логическому анализу. Как прагматик и утилитарист он сомневается в претензиях теории на единственность, но доверяет совокупной практике. Практически Юм довел свой эмпиризм до рационализма, ибо он понял, что для осмысления причинно-следственной связи следует подключить воображение. Природа, по Юму, держит нас на определенной дистанции и всячески препятствует людскому проникновению в ее бездны. Оттого человеческие знания так поверхностны. Знание вероятно, а не абсолютно, но в своей относительности подвержено позитивному росту.

Многим современным ученым-технократам, оторванным от жизни и впавшим в безумие от творимого ими самими насилия над природой, стоит задуматься над такими словами Юма: «Удовлетворяй свою страсть к науке, но пусть твоя наука останется человеческой и сохранил прямое отношение к деятельной жизни и обществу». Философам Юм советовал: «Будь философом, но, предаваясь философии, оставайся человеком!» Эти советы трудно оспорить и сегодня.

Личность мировоззрения подлинного философа выражается в его моральной свободе, которая выводит его за рамки узких национальных, сословных и классовых интересов и ведет по пути собственного понимания истины в

самом сложном объекте жизни, каким является человек. Примером такого философа и стал Давид Юм, у которого нашим современникам, измышляющим оторванные от жизни «концепты», «ризомы» и «симулякры», стоило бы многому поучиться. На наш взгляд, главная привлекательность философии Юма состоит в ее антропологической направленности. Мыслитель разрабо-

тал чисто светскую концепцию человека. Именно из наследия Юма в значительной степени произрастают не только глубочайшие корни «философии жизни», но и современные психология и этика. Рассуждения и выводы Юма стали теми достижениями мировой философии, которые способствовали ее дальнейшей плодотворной эволюции.
9.03.2011

Список литературы:

1. Антология мировой философии. В четырех томах. Том 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М.: Мысль, 1970.
2. Юм Давид. Сочинения в двух томах. М., 1996.
3. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М., 1995.

Сведения об авторе: **Горохов Павел Александрович**, заведующий кафедрой социальной философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, к. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 1**Gorokhov P.A.**

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

REFLECTIONS OF DAVID HUME

The article discusses some of the features of the philosophical doctrine of David Hume, which are particularly relevant in the modern era. The author concludes that the main attraction of Hume's philosophy is its anthropological focus. The thinker developed purely secular conception of human beings. Not only the deepest roots of the «philosophy of life» are grown from the legacy of Hume's pretty but modern psychology and ethics too.

Key words: cognition, perception, impression, the principle of ideas association, philosophy of history, empiricism, «philosophical intoxication.»

Bibliography:

1. Anthology of world philosophy. In four volumes. Volume 2. European philosophy from the Renaissance to the Enlightenment. – Moscow: Mysl, 1970.
2. David Hume. Works in two volumes. M., 1996.
3. Hume D. A Treatise of Human Nature. M., 1995.